

Павел ГАЙДЕНКО

СТРАСТИ ПО РУССКИМ АРХИЕРЕЯМ XI–XIII ВЕКОВ (КТО ИМЕЛ ПРАВО СУДИТЬ РУССКИХ АРХИЕРЕЕВ?)

Суд над епископами в Древней Руси, как позволяет об этом судить историография вопроса, никогда не рассматривался в церковной и исторической науке в качестве самостоятельной теоретической проблемы каноническо-правового свойства и если привлекал внимание исследователей, то, как правило, исключительно в контексте локальных исторических сюжетов: суд над Лукой Жидятой¹, суд над ростовским епископом Феодорцом, любимцем Андрея Боголюбского², суд над ростовским епископом Кириллом³ и, наконец, митрополичий суд во Владимире над новгородским архиепископом Далматом⁴. Между тем, при всей своей яркости, перечисленные сюжеты не исчерпывают всех тех случаев, когда древнерусские архиереи оказывались лицами, вынужденными предстать перед церковными и "светскими" судами. Однако процедурная сторона вопроса почти не интересовала исследователей, основное внимание которых, главным образом, было сосредоточено на социально-политических аспектах происшедшего. Примером этого может служить изложение обстоятельств митрополичьего суда, инициированного новгородцами и совершившегося в 1219/20 гг. Поводом для этого стало присутствие в Новгороде двух епископов, Митрофана и Антония. Не зная как исправить ошибку, новгородцы обратились к митрополиту, чтобы тот сам выбрал, кому из архиереев надлежало остаться в Новгороде, а кому покинуть берега Волхова⁵.

¹Новгородская четвертая летопись *Полное собрание русских летописей* (далее – ПСРЛ). Т. 4, ч. 1. Москва, 2000. С. 118; Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского ПСРЛ. Т. 43. Москва, 2004. С. 54–55; Софийская первая летопись старшего извода ПСРЛ. Т. 6, вып. 1. Москва, 2000. С. 183; Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью ПСРЛ. Т. 9. Москва, 2000. С. 91; Мильков В. В. Духовная дружина русской автокефалии: Лука Жидята *Россия XXI*. 2009. № 2. С. 124–126; Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. Москва, 2016. С. 65–69; Гайдено П. И. Ещё раз о суде над Лукой Жидятой (1055–1059 гг.) *Каттеревские чтения. 7 / Отв. ред. М. В. Бибииков*. Москва, 2009. С. 53–63.

²Лаврентьевская летопись ПСРЛ. Т. 1. Москва, 2001. Стб. 355–356; Ипатьевская летопись ПСРЛ. Т. 2. Москва, 2000. Стб. 551–554; Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. Москва, 2007. С. 112–118.

³Лаврентьевская летопись. Стб. 452; *Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В.* Русское православие: от крещения до патриаршества. Санкт-Петербург, 2012. С. 109; Гайдено П. И. Священная иерархия Древней Руси (XI–XIII вв.): Зарисовки власти и повседневности. Москва, 2014. С. 21–22, 58–59.

⁴Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II *Русская историческая библиотека*. Т. 6, ч. 1. Санкт-Петербург, 1880. С. 83–102; Печников М. В. К изучению соборных правил 1273 г. *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2009. № 4(38). С. 97–107; Гайдено П. И. Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. Санкт-Петербург, 2014. № 4. С. 229–239.

⁵Новгородская четвертая летопись... С. 199.

Отчасти некоторые аспекты суда над архиереями, а также организации и юрисдикции церковного суда и судов по церковным вопросам в самых общих чертах рассматривались в различных учебниках и общих исследованиях древнерусского и церковного права, а также в текстах нескольких диссертаций, посвященных вопросам церковного или епископского суда⁶. Между тем, значительная часть проблем, касающихся каноническо-правового устройства древнерусской церковной организации и её функционирования, остаётся без исчерпывающих ответов. Поэтому в рамках представленного очерка предпринята попытка обозначить некоторые стороны темы, раскрытие которой всё же требует более широкого исследования, чем статья. Именно ее легче сформулировать в качестве вопроса: кто имел право суда и расправы над епископами в Древней Руси?

Возникновение данного вопроса обусловлено существованием устойчивого историографического мнения, рассматривающего вопросы церковного суда в домонгольской Руси в качестве права, принадлежавшего исключительно или, по меньшей мере, преимущественно Церкви. Однако представленный взгляд вызывает возражения, ибо как только приходится иметь дело с сообщениями источников, обнаруживается, что вопросы не только организации церковной жизни, но и суда над церковными лицами, а также совершения над ними расправы или наказания нередко принадлежали вполне “светским” лицам и институтам, что в ряде случаев напоминало принципы инквизиционного трибунала. Примечательно, что отмеченная особенность обнаруживается не только в обстоятельствах суда над некоторыми монашествующими и духовенством, но и над архиереями.

Тем не менее, обращение к теме судов над епископами неминуемо приводит любого исследователя к ряду затруднений. Например, епископат не подпадает ни под одну социальную категорию из присутствовавших на Руси: святители не относились ни к церковным людям, ни к политической знати. Поэтому суд, скорее всего, должен был учитывать ряд дополнительных факторов: социальное происхождение и настоящее положение архиерея, тяжесть вины, вменявшейся архиерею, а также “политические последствия” того вердикта, какой мог быть вынесен. О сложности ситуации позволяет судить уже первый из перечисленных факторов.

Впрочем, епископат хоть и не сразу, но был включён в круг социальных и политических элит Руси, что особенно хорошо начинает проследиваться со второй половины XI в.⁷ Тем не менее, стало бы ошибкой в условиях реальных

⁶ Голубинский Е. Е. История Русской Церкви: Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский, ч. 1. Москва, 1901. С. 394–444; Гаращенко А. Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории: Дисс. канд. юрид. наук. Волгоград, 2006; Левчук М. В. Церковный суд у Київській Русі (історико-правове дослідження). Автореф. дис. канд. юр. наук. Київ, 2010. 23 с.; Цыпин В., прот. Каноническое право. Москва, 2012. С. 622–638; Мацелюх І. А. Юридична відповідальність у церковному праві середньовічної України. Київ, 2018. 332 с. (и др.).

⁷ Большинство исследователей очень острожно оценивают положение церковных иерархов и духовенства в составе древнерусских

правлящих элит. Между тем, вполне очевидно то, что к началу монгольского вторжения на Русь древнерусский епископат уже рассматривался в качестве важнейшего звена политической системы восточно-славянского общества. См. выводы: Свердлов М. Б. Становление и развитие правящей элиты на Руси VI–XVI вв. *Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в.: Очерки истории* / Отв. ред. А. П. Павлов. Санкт-Петербург, 2006. С. 95–98; Гайдено П. И. К вопросу о правовом положении детей духовенства в церковной среде и в обществе (XI–XIII вв.). *Христианское чтение*. 2018. № 3. С. 147–157; Его же. Место мирского духовенства в числе церковных людей Древней Руси Палеоросия. *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. 2018. № 1(9). С. 213–232.

XI–XIII столетий наделять архиереев безусловным авторитетом и политическим весом. Невзирая на даровавшиеся Церкви и архипастырям материальные и иные блага⁸, закреплённые авторитетом Устава Владимира⁹, а также несмотря на переданную в руки святителей судебную власть над частью населения, т.н. “церковными людьми”¹⁰, политический вес и статус обладателей кафедр, как правило, существенно уступал тому влиянию, каким была наделена княжеская власть¹¹. Одна из причин описанного положения дел – особенности формирования архиерейского корпуса на Руси. Митрополитов, как правило, присылали из Константинополя и повлиять на это было крайне сложно¹².

⁸ Даровавшиеся Церкви иммунитеты, а также поступавшие в руки епископов десятины, дани, подношения, виры, земли, скот и имущества по своему объёму вполне могли конкурировать с княжескими доходами (о доходах епископских кафедр см.: *Гайденко П. И. Священная иерархия... С. 17–28*).

⁹ Устав князя Владимира о десятинах, судах и людях церковных *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / Сост. Я. Н. Щапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. Москва, 1976. С. 16–19.

¹⁰ Эта категория состояла из части людей, прислуживавших церкви, которых, Е. Е. Голубинский называл “миряннами”, а также из монашествующих, духовенства и членов священнических и диаконских семей. К сожалению, это самая малоизученная социальная группа Древней Руси (*Голубинский Е. Е. История Русской Церкви: С. 422–425; Рогова О. В. Правовое положение черного духовенства в XII в. на Руси Вектор науки ТГУ. Серия: Юридические науки. 2012. № 2(9). С. 47–48; Гайденко П. И. К вопросу о правовом положении... С. 147–157; Его же. К вопросу о каноническо-правовом статусе жен древнерусского духовенства (XI–XIII вв.) Христианское чтение. 2018. № 5. С. 144–155; Его же. Место мирского духовенства... С. 213–232*).

¹¹ Для городской общины, как правило, более ценной представлялась личность князя, а не святителя. Во всяком случае, даже в вечах Новгороде были целые периоды, когда в городе отсутствовал архипастырь, и это не представлялось трагедией. Достаточно заметить, что нередко между смертью одного архиерея и официальным вступлением на кафедру другого архипастыря проходило не менее половины года, как это произошло после смерти епископов Нифонта, Иоанна II, Григория. Официальное вступление святителя Митрофана произошло только через год и одиннадцать месяцев, а чернец Алексей просидел на епископском дворе, так и не получив рукоположения почти два года. В это же самое время новгородская “вольность в князьях” хоть и по-

зволяла местному нобилитету и горожанам избавляться от нежелательных Рюриковичей, то лишь для того, чтобы на их место пригласить других представителей княжеского рода. При этом князь, как правило, мог быть отпущен из города только тогда, когда у новгородцев присутствовала твёрдая уверенность в том, что новый кандидат проявит решимость и явится в город. В данном случае показательны события 1138 г. вокруг смещения князя Всеволода. Хотя Всеволода и отлучили от власти, однако вместе с его семьёй разместили под почетным арестом в архиерейском доме, где Всеволод находился до тех пор, пока вопрос о новом князе не был окончательно решён: “не пустиша его, донель же инъ князь приде” (Новгородская летопись старшего и младшего изводов *ПСРЛ*. Т. 3. Санкт-Петербург, 1841. С. 7). Впрочем, история Новгорода знает периоды, когда в городе всё же отсутствовал князь. Наиболее показательна в этом отношении ситуация 1224–1225 гг., когда уход князя Михаила лишил город защиты, вынудив новгородцев искать поддержки у князя Ярослава Всеволодовича (Там же. С. 41–42).

¹² История Русской церкви XI–XIII веков знает только трёх митрополитов “русинов”: Илариона, Климента Смолятича и Кирилла. Возможно, русином мог быть и митрополит Переяславский Ефрем (см. подробнее: *Хрусталёв Д. Г. Разыскания о Ефреме Переяславском. Санкт-Петербург, 2002*). При этом первые двое, Иларион и Климент, так и не были признаны в качестве каноничных предстоятелей древнерусской церковной организации. Судя по молчанию русских источников, не получил полного признания или, по крайней мере, не оставил о себе памяти и “митрополит” Петр. Что же касается возвышения Кирилла, то оно обладало экстраординарным характером и стало возможным благодаря стечению целого ряда обстоятельств, катастрофического свойства: нашествию монголов, падению Константинополя и распаду остатков Византии, утрате патриархией контроля над дезорганизованной в

Однако, если дело касалось епископата и таковой рекрутировался из местного населения, то в выборе кандидатов могло участвовать множество сторон и сил, преследовавших свои прагматические цели, руководствовавшихся различными принципами и даже готовых вступать в открытую борьбу за право влиять на церковную жизнь города. Какими бы преимуществами ни обладало такое избрание, подобное конфронтационное развитие ситуации, как хорошо показал опыт Новгорода, не всегда шло на пользу авторитету святителей. Достаточно заметить, что годы святительства большинства архипастырей домонгольской Руси, чьи имена сохранились, неизвестны¹³. Более того, в ряде случаев в истории изглажены даже имена святителей. Всё это указывает, прежде всего, на сравнительно невысокий авторитет церковных иерархов безотносительно тех дарований, какими они могли быть наделены.

Так или иначе, но узы отношений между святителями и горожанами, а также князьями не всегда отличались достаточной крепостью. Примеры ряда новгородских архиереев: Никиты, Нифонта, Аркадия, Григория и иных епископов вполне убедительно демонстрируют, что положение святителей в городе во многом определялось не только политическими и духовными способностями носителей архиерейского сана и их деятельностью, но и иными не менее важными факторами. Например, успех деятельности того или иного святителя во многом мог быть гарантирован долголетием епископа. Именно оно позволяло архипастырю наиболее полно реализовывать свои планы и в случае их успеха ещё при жизни стяжать добрую славу и признание. Так, Нифонту Новгородскому за долгие годы его управления кафедрой удалось сделать то, на что не были способны митрополиты в Киеве. Нифонт сумел переподчинить себе значительную часть духовенства и монастырей¹⁴, чему в немалой мере содействовали усилия Кирика Новгородца¹⁵. Наконец, успех деятельности

условиях нашествия церковной организации Руси, а также внутреннему политическому расколу русских земель в условиях установления над её территориями власти конкурирующих между собой ордынских центров и сил (см. подробнее: *Галимов Т. Р.* Киевские митрополиты между Русью и Ордой (вторая половина XIII в.): монография. Казань, 2019. С. 102–122).

¹³ В данном отношении показательны сводные таблицы иерархов, составленные Дмитрием Блажейовским (*Blazejowskyj D.* Hierarchy of the Kyivan Church (861–1990). Roma, 1990. Vol. 72: Sacrum Ucrainae millennium. Vol. 3). Аналогичные работы проделаны и в России П. Строевым (на чей труд ссылается о. Д. Блажейовский), А. В. Назаренко и коллективом исследователей ПСТГУ (*Строев П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. Санкт-Петербург, 1877; *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви. Кн. 2: История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от константинопольского патриарха (988–1240) / Науч. ред. А. В. Назаренко. Москва, 1995. С. 633–634; *Его же.* История Рус-

ской Церкви. Кн. 3: История Русской Церкви в период постепенного перехода её к самостоятельности (1240–1589). Отдел первый: Состояние Русской Церкви от митрополита Кирилла II до митрополита святого Ионы, или в период монгольский (1240–1448) / Науч. ред. А. А. Турилов. Москва, 1995. С. 641; История иерархии Русской Православной Церкви: комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 года / [М. Е. Губонин и др.]. Москва, 2006).

¹⁴ Это было достигнуто через игуменские хиротесии, которые, скорее всего, рассматривались современниками в качестве своего рода церковной инвеституры, утверждавшей права епископа над рукополагаемым и над возглавляемой им обителью: *Фомина Т. Ю.* Епископская власть в домонгольской Руси: истоки, становление, развитие. Москва, 2014. С. 160–176.

¹⁵ *Гайденко П. И.* Несколько замечаний о возможных целях и мотивах создания вопрошания преп. Кирика Новгородца *Новгородика-2015. От "Правды Русской" к российскому конституционализму. Материалы V международной научной конференции /*

святителей во многом предопределялся социальным и территориальным происхождением архиереев. Некоторые из епископов по своему рождению были кровно связаны с местным нобилитетом и такая близость нередко предreshала успех святительских начинаний. Наиболее отчетливо данный фактор в домонгольской Руси проявил себя в Новгороде.

Став символами особого статуса земель, чьи столы получали право обладать кафедрой, архиереи представлялись фигурами, своего рода “политическими”¹⁶, упрочению положения которых в немалой мере способствовало каноническое право. Конечно, сам святительский сан не мог быть гарантией абсолютной “неприкасаемости” архиерея¹⁷. Однако в некоторых случаях он обеспечивал его обладателю определенное уважение. Скорее всего, именно этот “политический” статус епископа не позволил Изяславу поддержать намерение Климента Смолятича совершить суд над властным и крайне уверенным в своих действиях Нифонтом Новгородским, отказавшимся признать избрание Климента на киевскую первосвятительскую кафедру¹⁸. Судя по всему, выступив против Климента, Нифонт представлял не только свою позицию, но и волю Новгорода (либо части Новгорода), с мнением которого Изяслав вынужден был считаться, не взирая на то, что на берегах Волхова в этот период правил его брат Святополк, вскоре сменённый сыном Изяслава, Ярославом Изяславичем¹⁹.

Составители: Е. В. Торопова, С. А. Коварская, Я. А. Васильев, Д. Б. Терешкина, Б. Н. Ковалев, Н. С. Федорук. Великий Новгород, 2016. С. 353–361.

¹⁶ Вопрос об условиях возникновения кафедр и роли епископов в политической системе Руси наиболее подробно рассмотрен в исследовании: Фомина Т. Ю. Епископская власть... С. 68–100.

¹⁷ Архиереи, как и иные люди, смертны. Даже высокий церковный статус далеко не всегда мог защитить их от убийц, наветов, несчастного случая или жестокой расправы (Гайденко П. И. “В се же лето преставися Иоан митрополит...”: беглый взгляд на смерть первых церковных иерархов в Киевской Руси *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*. 2011. № 22. С. 82–88; *Его же. Смерть древнерусских архиереев (X – середина XII вв.): обстоятельства и закономерности Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. 2014. № 1. С. 21–34).

¹⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 315; Новгородская четвёртая летопись... С. 155–156; Киево-Печерский Патерик *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 4: XII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. Санкт-Петербург, 2004. С. 352–354.

¹⁹ Судя по всему, положение Святополка Мстиславича в Новгороде было непростым. Вероятно, его неспособность добиться симпатий горожан и стала причиной не только жёсткой позиции новгородцев по вопросу совершившегося в Киеве избрания

нового митрополита, но и в отношении дальнейшего пребывания Святополка на новгородском столе. В результате, в 1148 г., Изяслав был вынужден не только освободить из-под ареста Нифонта, но и вывести из Новгорода своего брата, отправив новгородцам своего сына, Ярослава: “Тои же осени приславъ Изяславъ сына своего Ярослава ис Киева, и прияха его Новгородци, а Святополка выведе злобы его ради и дасть емоу Володимеръ”: Новгородская четвёртая летопись... С. 152. Правда, М. Печников высказался за то, что новгородцы не разделяли мнение Нифонта и своей позицией епископ вступил в противоречие с горожанами (Печников М. Новгородский свт. Нифонт, княжеская власть и Киевская митрополия (30–50-е гг. XII в.) *Вестник церковной истории*. 2017. № 3/4(47/48). С. 237–278). Между тем, обстоятельства ареста и освобождения новгородского архиерея, скорее, указывают на то, что горожане не только не оставили своего архиерея в беде, но и отстояли того, согласившись принять у себя сына Изяслава, что, вероятно, было условием возвращения архиерея на кафедру. Ничто не указывает и на то, что каноническая позиция Нифонта встретила несогласие в его кафедральном городе. Более того, горожане сумели по достоинству оценить полученный Нифонтом архиепископский сан и уже вскоре закрепили этот титул за своими святителями. Впрочем, очевидно и то, что материальные запросы Нифонта действительно вызвали раздражение в городе, оставив о первом

Тем не менее, при всей неоднозначности социального статуса архипастырей, епископы могли обретать опору в каноническо-правовой системе Византии. Святоотеческие правила, которых придерживались или, по крайней мере, на которые ориентировались на Руси, позволяли архиереям оставаться трудно уязвимыми для какого-либо суда. Это достигалось через посредство жестких процессуальных норм, предъявлявшихся и к обвинителям, и к церковному суду. Церковные правила мощной стеной ограждали честь архиереев, связывая обвинителей множеством условностей, касающихся не только их личностей, морального облика, веры, но и порядка призвания обвиняемого на суд, состава суда и его процедур²⁰. Правда, необходимо признать, что проблема реконструкции корпуса канонических сводов, присутствовавших на Руси в XI–XIII вв., а также степень их распространённости и авторитетности, пока что в науке не получили ясного разрешения.

В не меньшей мере упрочению положения епископов способствовали и более поздние нормы византийского государства. Например, Эпанагога (884–886 гг.), служившая руководством для судей империи, декларировала ограниченность императорской власти законом, в том числе в области церковных дел, и одновременно указывала на существование самостоятельной власти патриарха, выводя из-под государственного суда клириков. Согласно нормам Эпанагоги, духовенство оказывалось в ведении светских судей лишь в случаях, когда действия представителей Церкви квалифицировались в качестве государственной измены²¹. Вероятно, данное обстоятельство стало той причиной, по которой нормы Эпанагоги, ограничивавшие власть императора, использовались на Руси крайне избирательно, а сам памятник был переведён только в XVII в.²²

К сказанному необходимо добавить то, что часть святителей была представлена «греками», вернее сказать, «византийцами», обладавшими особым положением, которое можно сопоставить с дипломатическим статусом. Византийцы на русских кафедрах оставались плохо контролируемые даже для княжеской власти. Единственным способом влияния на провинившихся святителей-греков оставалось их удаление с кафедры или отправка в Константинополь²³. Впрочем,

архиепископе Новгорода крайне неоднозначную память. Идеализация образа Нифонта – всецело заслуга печерских монахов (Киево-Печерский Патерик... С. 352–354).

²⁰ Ап. 74, 75; II всел. 6; IV всел. 9, 21; Антиох. 14, 15; VII Конст.; Прав. св. пом. собора Карф. 8, 12, 19(28), 29(38), 127(141–142), 128(143), 129(144), 130(145), 131(146), 132–133(147) (Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа далматинско-истрийского: В 2 т. Санкт-Петербург, 1912. Т. 1. С. 153–159, 262–270, 349–358, 375–380; Т. 2. С. 73–75, 142–143, 151–152, 153–154, 165–166, 178–179, 270–275).

²¹ Каждан А. П. Василики как исторический источник *Византийский временник*. Москва, 1958. Т. 14. С. 56–57; Омельчук В. В. Інститут єпископа у системі церковно-канонічного права Візантії: судові та правозахисні функції *Юридичний вісник*. 2013. № 1(26). С. 34–38.

²² Данная точка зрения была высказана и обоснована: *Вальденберг В. Е.* Древнерусские

учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. Москва, 2006. С. 49–53.

²³ Именно так поступил Андрей Боголюбский в случае с епископом Леоном, о чем сообщает не только древнерусское летописание, но и ответное послание патриарха (Лаврентьевская летопись. Стб. 351–352; Грамота константинопольского патриарха Луки Хрисоверга к великому князю владимирскому Андрею Боголюбскому *Русская историческая библиотека*. Т. 6: Памятники канонического права, ч. 1: Памятники XI–XV в. Санкт-Петербург, 1880. Стб. 66–68). Аналогичным образом поступили с митрополитом Константином, дав тому понять о том, что тот должен покинуть стольный град, а несколько позже с Антонием Черниговским, что в его случае было настоящей милостью, если учесть то, что действия иерарха, дважды спровоцировавшего своими

если дело касалось русских иерархов, ситуация оказывалась иной. И именно это обстоятельство представляет наибольший интерес.

Несомненно, приняв христианство, а вместе с ним и иерархию, власти Древней Руси, прежде всего княжеская власть, не только санкционировали деятельность церковных институтов, но и были вынуждены каким-то образом включать новые религиозные образования и их практики (в том числе каноническо-правовые) в уже сложившуюся социально-политическую и правовую систему. Судя по сообщению Повести временных лет об обстоятельствах введения на Руси в эпоху князя Владимира смертной казни, а также по сопровождавшей княжеские Уставы для Церкви приписке, сообщавшей о том, что таковые принимались князем по совету с архиереями и иными лицами из княжеского окружения²⁴, можно заключить, что адаптация византийских норм происходила с трудом. На протяжении всего домонгольского периода своего существования епископат оставался материально зависимым от княжеской власти, что существенно снижало авторитет святителей в глазах части Рюриковичей²⁵. Судя, по всему, столь же непросто формировался и утверждался социально-правовой статус епископов, о чем было сказано выше.

Как совершенно верно высказывались об этом многие исследователи, трансляция византийских церковных норм, а вместе с ними канонической культуры империи и иных стран происходила на Руси не через непосредственное насаждение неведомых для неё законоположений и форм, а лишь через их частичное заимствование. Интеллектуальные ресурсы, политические, правовые и бытовые реалии Руси существенно ограничивали возможности такого прямого переноса достижений и практик византийского и латинского миров в области церковного права на русскую почву. В условиях Руси XI–XIII вв. затруднительно говорить не только о полноценном применении принципов симфонии Церкви и государства, но и принципов соборности. В результате источники позволяют реконструировать только самые общие формы и процедуры судебного разбирательства в условиях рассматриваемого времени.

Как уже отмечено, епископы нередко оказывались под различного рода подозрениями и вынуждены были сносить многочисленные и далеко не всегда безосновательные обвинения²⁶. В результате высшие иерархи неоднократно

поступками политический кризис и междоусобицу, будь он русским епископом, могли бы стоить ему сана и самой жизни (Лаврентьевская летопись. Стб. 354; Ипатьевская летопись. Стб. 522–524).

²⁴ История первых шагов князя Владимира по насаждению некоторых норм византийского права на Руси продемонстрировала неготовность власти и населения к таким реформам (Ипатьевская летопись. Стб. 111–112). Поэтому весьма примечательно, что предоставляя Церкви автономию в системе церковных судов, княжеская власть оставляла за собой право определять корпус прав, какими могла пользоваться Церковь и её иерархия. Правда, при этом, подобные вопросы решались не единолично, а как результат совета с членами семьи (с “детьми”, с “княгиней”) или со своим окру-

жением (Устав князя Владимира... С. 8[5]; Устав князя Ярослава о церковных судах [Пространная редакция. Основной извод] *Древнерусские княжеские уставы XI–XV вв.* / Сост. Я. Н. Шапов, отв. ред. Л. В. Черепнин. Москва, 1976. С. 86[1]).

²⁵ В данном отношении показательно то пренебрежение, какое продемонстрировал Олег Святославич в отношении монахов и епископов во время призыва прибыть на суд, который хотел над ним совершить Владимир Мономах. В своём ответе двоюродному брату черниговский князь поставил тех в один ряд со смердами (Ипатьевская летопись. Стб. 220).

²⁶ Подобные упреки можно увидеть в оценке, какую получила деятельность архиепископа Нифонта Новгородского (†1157) в новгородском летописании, в явном упреке

представали перед многочисленными судами, как церковными, так и иными, которые с известной долей условности можно назвать “светскими”, насколько корректен использованный термин к русскому средневековью XI–XIII вв.: императорским, княжеским, городским и вечевым судами. Спектр конфликтов, перераставших в судебные разбирательства, выглядят впечатляющим.

Среди проступков и нарушений, вменявшихся святителям, доминировала симония²⁷. При том, что в целом ряде случаев она формально приобретала характер дара или отдарка, те, кто платил и получал таковые “гостинцы”, прекрасно понимали, что совершаемое ими выходило за рамки дарения и являлось ничем иным, как подкупом высших иерархов или представителей княжеского рода, от которых ожидали необходимого для просителя (дарителя) решения²⁸. Даже вводившиеся ограничения на подношения святителям²⁹, содержание которых и без этого вполне конкурировало с уровнем трат на обеспечение княжеской власти, не было способно решить проблему, в которой обе стороны (и даритель, и принимающая сторона) нередко видели норму и готовы были с ней мириться³⁰. Помимо симонии, в ряде случаев выдвигавшиеся против архиереев претензии объяснялись политическими, административно-каноническими противоречиями и даже природными катаклизмами, как это порой случалось в жизни Новгорода³¹.

Несколько упрощая задачу представленного очерка, наиболее целесообразным видится привести примеры тех судов, под власть которых подпадали древнерусские епископы. Правда, и в этом случае ситуация едва ли представляется простой.

Примечательно, что категория “суд” при описании судебных (или отождествляемых с таковыми) разбирательств в отношении архиереев в древнерусских источниках почти не применялась. Данная категория присутствует лишь в известии о суде над епископом Феодором. Однако и здесь она употреблена не

в адрес епископата в целом в посмертной похвале епископу Пахомию (†1216), в крайне негативном отношении к архиереям в завещании, приписываемом Антонию Римлянину, запрещавшем принимать игуменов, поставленных епископами и князьями на мзде, и в тексте дарственной надписи на кресте княжны-инокини Евфросинии Полоцкой (Новгородская четвёртая летопись... С. 157; Лаврентьевская летопись. Стб. 439; Алексеев Л. В. Крест преподобной Евфросинии Полоцкой *Российская археология*. 1993. № 2. С. 70–78; Сказание о житии преподобного Антония Римлянина *Святые русские римляне Антоний Римлянин и Меркурий Смоленский*. Санкт-Петербург, 2005. С. 269).

²⁷ Гайдено П. И. Священная иерархия... С. 19, 20, 39, 111, 125, 145.

²⁸ Об отношении к симонии в церковной среде см.: Гайдено П. И. Симония: дары или покупка? О некоторых особенностях каноническо-правового сознания Древней Руси *Христианское чтение*. 2018. № 6. С. 85–100.

²⁹ Примером подобного ограничения может служить Устав князя Всеволода церкви Ивана на Опоках, регламентировавший и по сути ограничивавший подарки, подносившиеся архиереям и иным гостям за право совершать служение в храме (Устав новгородского князя Всеволода Мстиславича купеческой организации церкви Ивана на Опоках *Древнерусские княжеские уставы...* С. 158–167.

³⁰ О величине трат, которые на определённом этапе стали нести города по содержанию духовенства, можно судить не только по определениям Владимирского собора 1273/74 гг., но и по иным известиям. Подробнее см. наблюдения: Галимов Т. Р. Киевские митрополиты... С. 160–162).

³¹ Примером подобного выступления горожан против своего архипастыря может служить, в частности, бунт новгородцев в 1228 г, посчитавших виновником продолжительной непогоды владыку Арсения и присудивших того к изгнанию (Новгородская летопись старшего и младшего изводов... С. 43–44).

столько в смысле процедуры, сколько в евангельском понимании³². Именно поэтому о присутствии суда можно заключить лишь исходя из контекста тех или иных сообщений, в которых фигурирует личность архиерея, подвергнувшегося наказанию или, по меньшей мере, вынужденного представить объяснения. Впрочем, даже контекст не всегда позволяет сделать однозначный вывод о том, с чем именно приходится сталкиваться: судебной расправой или с обычным “самоуправством”, “властным” решением или чем-то иным, порождённым сложной совокупностью обстоятельств и мотивов. Примерами этого могут служить летописные известия об аресте и заключении туровского епископа Иоакима³³, бегство из Галича из-за опасения расправы епископа Артемия, а также разграбление слугами князя Даниила Романовича епископского двора в Перемышле³⁴. Впрочем, всё выше изложенное нуждается в отдельном рассмотрении. Поэтому наиболее верным видится перечислить те суды, под властью которых оказывались древнерусские архиереи.

Митрополичий суд. С точки зрения церковных канонов в случае суда над епископом суд у митрополита был первой судебной инстанцией, рассматривавшей дело. В дальнейшем стороны могли перенести свои споры в Константинополь³⁵. При этом вердикт о виновности архиерея не мог быть вынесен митрополитом единолично, в “частном” порядке. Для принятия решения первоиерарху необходимо было созвать экстраординарный собор епископов его области³⁶. Древнерусские и византийские источники уверенно сообщают только о нескольких подобных судах. Первый из них – суд над новгородским епископом Лукой Жидятгой, обвинённом в неподобающих речах и, вероятно, в каких-то сексуальных проступках, что правда, не нашло подтверждения и имело самые драматические последствия для обвинителей, вероятно, связанных с самим Лукой обязанностями службы при епископском дворе в Новгороде³⁷.

Второй пример митрополичьего суда не менее примечателен. Он обнаруживается в истории конфликта между епископом Леоном и князем Андреем по вопросу о постах, о незаконном занятии Леоном кафедры при живом, хотя и больном епископе Несторе, а также о поборах с церкви³⁸. Примечательно, что летописание ничего не доносит об этом суде и о церковном соборе в Киеве, сообщая лишь о большом суде-диспуте в Ростовской земле, организованном перед князем Андреем Юрьевичем. Судя по тону летописной записи, претензии были вполне оправданными. Более подробно о митрополичьем суде в Киеве сообщает патриаршая грамота, ссылающаяся на соборное мнение митрополичьего суда: “А понеже уведехомъ и священаго митрополита грамотою [и] епископъ <...>

³² “Им же судомъ судите судися вам” (Лаврентьевская летопись. Стб. 356; сравни: Мф. 7:2).

³³ Лаврентьевская летопись. Стб. 314; Ипатьевская летопись. Стб. 330.

³⁴ Бегство Артемия Галицкого и перемышльского архиерея, а также разграбление епископского двора в Перемышле произошли в период отвоевания Даниилом Галицкой земли. При этом оба архиерея были обвинены князем в “крамоле” (Ипатьевская летопись. Стб. 793–794; Головки О. Б. Корона Даниила Галицкого: Волинь і Галичина в державно-політичному розвитку Центрально-Східної Європи ранньо-

го та класичного середньовіччя. Київ, 2006. С. 322–323).

³⁵ Об этих правах говорят 9 и 17 правила IV Вселенского Собора (Правила Православной Церкви с толкованиями... Т. 1. С. 349–358, 372–375).

³⁶ 74 апостольское правило (Правила Православной Церкви с толкованиями... Т. 1. С. 155–157).

³⁷ Новгородская четвёртая летопись... С 118; Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. С 54–55; Софийская первая летопись старшего извода... С 183; Летописный сборник... С 91.

³⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 351–352.

обинение молвена суть многажды во своемъ тамо у васъ соборе и предъ великимъ княземъ всеа Руси”³⁹. Однако, либо совершенное русским предстоятелем разбирательство было слишком формальным, либо во Владимире проигнорировали его. В итоге митрополичий суд так и не попал на страницы древнерусских летописных источников. Поэтому сведения патриаршей грамоты, сохранившейся только в переведённом виде, крайне ценны и заслуживают отдельного комментария. Весьма показательным видится одно важное обстоятельство. Обвинение в адрес Леона прозвучало со стороны князя, а представленные вины были столь очевидны, что даже попали в летописные статьи, Невзирая на столь существенные доказательства, патриарх вслед за митрополитом и архиерейским собором в Киеве не нашёл в действиях Леона ничего предосудительного.

Третий пример митрополичьего суда – суд над любимцем князя Андрея Боголюбского, епископом Феодором или “Феодорцом”, названным к тому же ещё и “лжеепископом”, как его пренебрежительно охарактеризовали источники, составители которых хотели не только прижизненного, но и посмертного унижения ненавистного им епископа. К сожалению, применённые к Феодору эпитеты не всегда критично используются в историографии⁴⁰. Пространное летописное известие об этом суде, скорее всего, основано на обвинительном заключении, пожалуй, единственном из сохранившихся от той эпохи*. Тем не менее, обстоятельства упомянутого суда полны недосказанности. Например, летописная запись умалчивает об участниках судебного разбирательства. Не названо имя ни одного из епископов, что уже само по себе показательно. Например, сообщая об обстоятельствах избрания Климента Смолятича, летописные известия достаточно подробны, сохранив для истории не только имена участвовавших в соборе

³⁹ Грамота константинопольского патриарха... Стб. 66.

⁴⁰ Примером этого могут служить характеристики Феодору в трудах М. Ю. Брайчевского. В целом соглашаясь с многими выводами выдающегося украинского исследователя, всё же необходимо признать, что демонизированный в летописных обвинениях образ Феодора совсем не совпадает с его деяниями, на что совершенно справедливо обратил внимание: *Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. С. 84–109*. К тому же, крайне опрометчивой видится попытка представить Феодора в качестве “самозванца”, поскольку тот имел законное патриаршее посвящение, совершённое по просьбе князя, что не вступает в противоречие с церковными канонами. Иное дело, это противоречило интересам самого Киева (см. подробнее: *Брайчевський М. Ю. Вибране: В 2 т. Т. 1: Суспільно-політичні рухи в Київській Русі / Упорядкування, передмова, наукове редагування і анований іменний покажчик Ю. Кухарчука. Київ, 2009. С. 443–450*).

* Появление этой вставки в летописи крайне примечательно, поскольку обладает уникальным характером. Действительно, при рассмотрении проблем организации и функционирования церковных судов на Руси

приходится сталкиваться с едва ли не полным отсутствием каких-либо письменных актов, фиксировавших ход судебных процессов. Всё это позволяет говорить о том, что в условиях Руси значительная часть судов, скорее, совершалась без письменной фиксации судебных процессов. Однако, если принять во внимание, что такая практика по крайней мере в отношении Церкви, где присутствовало немало византийцев, вступала в противоречие с практикой и нормами империи, обязывавшими непременно протоколирование судебных решений, то отсутствие протоколов церковных судов – грубейшее нарушение канонической дисциплины. Между тем, споры вокруг Киевской кафедры середины и второй половины XII в. сохранили два свидетельства таких протоколов. Во-первых, это вставка о винах епископа Феодорца и, во-вторых, выписка о совершённом в Киеве судебном соборном решении в отношении епископа Леона, о которой сообщает в своём послании к князю Андрею патриарх Лука Хрисоверг. Таким образом, отсутствие протоколов судов следует искать не только в особой правовой культуре Руси, но и в усилиях церковных книжников по изглаживанию из письменной памяти “неудобных” для понимания событий и деяний.

архиереев, но и зафиксировав высказанные ими суждения. В этом же случае летописец предпочел даже не упоминать имена участников собора, если таковой состоялся. Последствия данного разбирательства и совершённой казни, главными из которых стали организованный Андреем Боголюбским поход на Киев и разграбление “матери городов русских” союзниками⁴¹, заставляют усомниться в честности и точности передачи описанных в источниках событий.

В историографии уже высказывались мнения, ставившие под сомнение летописную версию событий, связанных с появлением Феодора в Киеве и его дальнейшим арестом. Несомненным видится лишь то, что учинённая над Феодорцом расправа, ужасающая своей жестокостью, была совершена от имени митрополита. Однако каноническо-правовые нормы не предоставляют митрополитам и церковному собору подобных полномочий, следовательно, суд должен был совершиться с участием княжеской власти и обладать правами, подобными “инквизиционному трибуналу”. Однако и в этом случае Церковь выносила лишь вердикт о виновности, а не о форме и степени наказания. Здесь же митрополит сам взял на себя ответственность за немислимую расправу над гордым епископом. Впрочем, за всем этим проглядывается присутствовавшее в Киеве явное раздражение владимирским самовластцем и его не менее амбициозным другом⁴².

⁴¹ Ипатьевская летопись. Стб. 544–545.

⁴² Летописное известие представляет совершившееся как результат воли Константина (Лаврентьевская летопись. Стб. 356). Однако описанное в летописной статье не столько проясняет ситуацию, сколько запутывает её. Например, история конфликта Климента Смолятича и Нифонта Новгородского вполне убедительно демонстрирует, что избранный митрополит не мог совершить суд и расправу над Нифонтом, поскольку этому противился князь: *“И хотя Клим сильно гневался на Нифонта, подбивал князя Изяслава и своих сторонников осудить его, но не смог за ему сотворить никакого”* (Киево-Печерский Патерик... С. 353). Крайне ограниченными видятся судебные полномочия епископа и в истории суда над священником Авраамием Смоленским, в которой князь отказался утвердить обвинительный вердикт, вынесенный священноиноку. Поведению князя составителем “Жития Авраамия Смоленского” было придано евангельское звучание. Тем не менее очевидным остаётся тот факт, что последнее слово при вынесении решения о возможности приведения судебного постановления к исполнению оставалось за князем: *“князь и вельможи не нашли за ним никакой вины, проверивши все и убедившись, что нет никакой неправды, но все лгут на него, сказали тогда в один голос: Да будем неповинны, владыка, – сказали они всем, – в том, что воздвигли такое обвинение на него, а мы неповинны в том, что вы на него наговариваете или замышляете какое-то беззаконное убийство!”* (Житие Авраамия

Смоленского Библиотека литературы Древней Руси: Т. 5: XIII век / Под ред. Д. С. Лихачёва, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. Санкт-Петербург, 2005. С. 45). Впрочем, история расправы епископа Луки Жидяты над своими слугами, обвинившими архиерея перед митрополитом, как будто бы позволяет сделать обратное утверждение, признав за епископатом значительные судебные полномочия. Однако, как хорошо показало исследование В. В. Милькова, совершённая Лукой расправа над обидчиками, скорее всего, состоялась при одобрении со стороны властей Новгорода, отразив всю неоднозначность церковно-политической и общей религиозной ситуации на берегах Волхова (Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В. Лука Жидята... С. 65–69). При этом необходимо принять во внимание ещё одно обстоятельство: между митрополичьим соборным судом над епископом одной из государственных земель и епископским судом над собственными церковными людьми пролегает значительная дистанция. То есть, суд над архиереем – это одновременно не только внутрицерковный, но и политический процесс. В итоге, известие о расправе над Феодорцом и перечислив вины владимирского архиерея, летописец не оставил никаких сведений о самом суде, его участниках, поведении князя и т.д. Всё это указывает на то, что судебное разбирательство и расправа, скорее всего, были тенденциозными, предвзятыми, совершены в спешке с нарушениями канонов и участники процесса постарались сделать всё, чтобы память об их

Четвертый пример – уже упоминавшийся суд, совершённый в 1219/20 гг. в Киеве по просьбе новгородцев из-за присутствия в городе двух архиереев. Описанное недоразумение примечательно, поскольку, с одной стороны, демонстрирует широкие права городского веча, а с другой, – свидетельствуют о неспособности Киева контролировать внутрицерковную ситуацию в удалённых центрах. Между тем, рукоположение на одну кафедру двух архиереев – грубейшее нарушение канонов, определяющих в одном городе иметь только одного епископа и одну кафедру⁴³. В результате произошедшее может служить свидетельством не только неприглядного потакания митрополии капризам новгородских партий, но и большего – осознанного нарушения русскими первосвященниками норм, на страже которых они обязаны были стоять. Всё это позволяет говорить не только о непростых отношениях Киева и Новгорода, но и безнаказанности и антиканоничности действий митрополичьей кафедры, в решениях которой прослеживается не столько слабость политической воли и христианская икономия, сколько корыстные интересы⁴⁴.

Ещё два судебных разбирательства приходятся на время первых десятилетий ордынского господства в период святительства митрополита Кирилла.

Первый из них – попытка суда митрополита Кирилла над новгородским архиепископом Далматом на специально созванном по этому случаю соборе во Владимире в 1273 г.⁴⁵ Очевидно, что конфликт имел личный характер, хотя и был основан на вполне обоснованных с формальной точки зрения претензиях. Далмата обвиняли в принятии платы за рукоположения и иных поборах в пользу архиерея⁴⁶. Однако, судя по всему, собор не имел успеха. Прежде всего, он был проигнорирован южнорусскими архиереями, что в итоге лишало такой суд необходимой легитимности. Помимо того, Далмат не был осужден. Правда, разбирательство стоило святителю жизни. Вскоре, по возвращении в Новгород, он скончался⁴⁷, не вынеся нанесённого ему оскорбления. Более того, собор, который по идее должен был пресечь симонию, напротив, не только не принял в отношении порока каких-либо постановлений, но и узаконил таковую в виде формальных выплат в пользу кафедр со стороны духовенства и горожан. Размеры установленных выплат впечатляют своими размерами⁴⁸.

Второй пример – некое разбирательство, возникшее в 1279 г. между митрополитом Кириллом и ростовским епископом Игнатием. Претензия к Игнатию возникла из-за того, что тот обратился по своей причине в Орду, однако сделал это, не поставив в известность своего первосвященника⁴⁹. Результатом митрополичьего

причастности к совершенному злодеянию и по сути политической мести была изглажена. В сложившихся условиях всю ответственность за произошедшее легче всего было возложить на предстоятеля Русской Церкви тем более, что с формальной стороны председателем суда являлся митрополит.

⁴³ Ап. 14, 33; I Всел. 15; IV Всел. 5; Трул. 20; Антиох. 13, 16, 18, 21; Сердик. 1, 2, 17; Карф. 48 (Правила Православной Церкви с толкованиями... Т. 1. С. 74–76, 97–98, 225–227, 342–343, 493–494; Т. 2. С. 73, 75, 76, 78, 117–119, 138–139, 198–200).

⁴⁴ Новгородская четвёртая летопись... С. 199.

⁴⁵ Печников М. В. К изучению соборных

правил 1273 г. *Древняя Русь: Вопросы медиевистики*. 2009. № 4(38). С. 97–107; Гайденок П. И. Собор 1273(4) года... С. 229–239; Галимов Т. Р. Киевские митрополиты... С. 154–158.

⁴⁶ Определения Владимирского собора... Стб. 86–93.

⁴⁷ Новгородская четвёртая летопись... С. 243.

⁴⁸ Определения Владимирского собора... Стб. 92; Галимов Т. Р. Киевские митрополиты... С. 160–164.

⁴⁹ Летописный сборник... С. 157; Насонов А. Н. "Русская земля" и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование. Монголы и Русь: история татарской поли-

суда стал наложенный на Игнатия запрет в служении. Только вмешательство князя Дмитрия Борисовича облегчило участь ростовского архиерея.

Княжеские и вечевые суды. Примеры княжеских судов и княжеских расправ над архиеереями не менее показательны и многочисленны. Правда, в этом случае порой очень сложно провести границу между судебным разбирательством и расправой, а также судебным процессом и личным решением князя, которое тоже в определённом смысле можно рассматривать в качестве одной из форм суда. Более того, в ряде случаев князь и вече действовали вместе.

Пожалуй, первым примером княжеского суда над архиеером может служить история ареста, заточения и смерти колобжегского епископа Рейнберна, духовника супруги Святополка Окаянного. Находясь вместе со Святополком в Турове, Рейнберн был обвинён в заговоре против Владимира Святославича и умер в заточении, о чем свидетельствует Титмар Мерзебургский⁵⁰. Примечательно, что древнерусские источники ничего не сообщают об этом. Описывая произошедшее и не скупясь в язвительных выпадах против Владимира, Титмар не без упрёка в адрес киевского князя упомянул о крайнем недовольстве короля случившимся. Очевидно, что Владимир отказал своему польскому соседу, Рейнберн не был отпущен и скончался в заключении, об обстоятельствах смерти Титмар, кажется, ничего не знал.

Более интересными видятся события второй половины XI–XIII вв. Всё большее вовлечение архиеерев в течение политических процессов, с одной стороны, повышало их статус, с другой всё чаще предоставляло повод для предъявления к ним претензий. Именно на этот период приходится несколько княжеских расправ над архиеереями.

Так, середина и вторая половина XII в. отмечена расправой князя Изяслава над туровским епископом Иоакимом (1146), закованным в кандалы и приведённым в Киев за участие в выступление против великого князя⁵¹. Судя по тому, что дальнейшая судьба этого святителя не известна, можно заключить, что она оказалась плачевной⁵². Не менее показательна судьба уже упоминавшегося черниговского епископа Антония (1168/69), изгнанного князем с кафедры за обман и несправедную жизнь⁵³, что в целом можно рассматривать в качестве результата частного княжеского суда. Наконец, череда этих судов завершается рассмотренным выше изгнанием по воле князя Даниила Романовича из Галича и Перемышля местных архиеерев (1241), при этом имущество последнего из владык было отдано людям боярина Андрея на разграбление⁵⁴. Однако в этом изъятии епископских богатств угадываются черты не боевой добычи, а именно судебной расправы (“потока и разграбления”).

Не меньшего внимания заслуживает череда вечевых решений, которые можно отождествлять с вечевыми судами против епископов. Она начинается с выступления новгородцев против епископа Феодора во время т.н. восстаний волхвов, охвативших весь Север и Северо-Восток Руси. Данное выступление,

тики на Руси. Санкт-Петербург, 2006. С 244–246; Галимов Т. Р. Киевские митрополиты... С. 148–149, 156–157.

⁵⁰ Титмар Мерзебургский. Хроника Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Т. Н. Джаксон, И. Г. Коноваловой и А. В. Подосинова. Т. 4: Западноевропейские источники / Сост., пер. и коммент. А. В. Назарен-

ко. Москва, 2010. С. 73–75.

⁵¹ Лаврентьевская летопись. Стб. 314; Ипатьевская летопись. Стб. 330.

⁵² Гайдено П. И. Священная иерархия... С. 100, 130–134.

⁵³ Лаврентьевская летопись. Стб. 354; Ипатьевская летопись. Стб. 522–524.

⁵⁴ Ипатьевская летопись. Стб. 793–794.

отмеченное в летописании под 1071 г., было порождено неурожаем и убежденностью горожан в том, что ответственность за постигшие новгородцев бедствия лежит на архиерее. Летописец придал этому выступлению черты богомилства, однако произошедшее, скорее всего, являлось обычным городским выступлением, спровоцированным драматичными обстоятельствами времени⁵⁵. Только вмешательство князя Глеба, убившего зачинщика мятежа, спасло архиерея от неминуемой гибели⁵⁶.

В итоге, события 1071 г. стали первыми в своём роде. Правда, всё же необходимо признать, что дальнейшие вечевые суждения об архиереях Новгорода в конце XII – первой трети XIII вв. всё таки имели несколько иной, отличный от 1071 г. характер. Как хорошо показали исследования В. Л. Янина и Т. Ю. Фоминой, смещения архиереев и местоблюстителей отражали жестокую внутригородскую борьбу между различными городскими партиями, стремившимися установить свой контроль над местной архиепископской кафедрой⁵⁷. Изгнания (порой неоднократные) Митрофана, Антония, Арсения Чернеца также происходили на основании вечевого решения, вполне убедительно демонстрирующего приоритет вечевого мнения над каноническими нормами.

Наконец, последняя группа судов – вечевые суды с участием князей. Именно такой суд был совершён Андреем Боголюбским над епископом Леоном в 1164 г.⁵⁸ Через полвека, в 1228 г., подобная “тяжа” состоялась в Ростове. Обвинения были предъявлены к местному, ушедшему на покой епископу Кириллу, которому вменялась в вину передача части богатств епископского двора в пользу монастыря, где скрашивал свою старческую немощь архиерей⁵⁹. Правда, здесь необходимо заметить, что если в первом случае претензии были небезосновательны, то во второй истории они строились на отказе горожан признавать за архиереем право распоряжения имуществом. Между тем, действия Кирилла не противоречили византийской каноническо-правовой традиции, а выдвинутые против него обвинения были несправедливыми.

Всё перечисленное позволяет сделать несколько предварительных выводов. Во-первых, каноническо-правовое положение архиереев на Руси существенно отличалось от того, каким они были наделены в Византии. Именно поэтому, несмотря на то, что формально Церковь обладала автономией, в действительности её иерархия находилась под полным контролем местного населения и его политических и городских элит. В результате архиереи могли предстать не только перед судом митрополита, но перед вечевым судом и судом князя.

⁵⁵ Об историографии вопроса см. подробнее: Карпов А. В. “Восстание волхов” на северо-востоке Руси (1071 г.) в российской науке XVIII – начала XX вв. *Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях*. Санкт-Петербург, 2017. № 8. С. 29–55.

⁵⁶ Ипатьевская летопись. Стб. 170–171.

⁵⁷ Янин В. Л. *Очерки истории средневекового Новгорода*. Москва, 2008. С. 67–82, 100–117; Фомина Т. Ю., Залыева Г. Ш. К вопросу о периодизации истории новгородской епископии (до начала XIII в.) *Церковь. Богословие. История. Материалы III Международной научно-богословской конференции, посвященной 130-летию Екатеринбургской епархии и памяти Собора новомучеников и*

исповедников Церкви Русской. Екатеринбургская митрополия, Екатеринбургская духовная семинария, Миссионерский институт, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт гуманитарных наук и искусств Лаборатория археографических исследований. 2015. Екатеринбург, 2015. С. 611–618.

⁵⁸ Лаврентьевская летопись. Стб. 351–352.

⁵⁹ Там же. Стб. 452; Дворниченко А. Ю., Кривошеев Ю. В., Соколов Р. А., Шапошник В. В. *Русское православие: от крещения до патриаршества*. Санкт-Петербург, 2012. С. 109; Гайденок П. И. *Священная иерархия...* С. 20–22, 58–59.

В исключительных случаях архиерей, если тот был византийцем, мог предстать перед судом патриарха и императора. Тогда же, когда разбирательство совершалось в пределах русских земель, вердикт суда во многом зависел от происхождения архиерея. В то время как епископы-русины могли понести всю тяжесть наказания, архиереи-византийцы подвергались лишь изгнанию. Что же касается истории ареста епископа Рейнберна, то предъявленные к нему обвинения в участии в заговоре были слишком тяжелыми, что во многом и предопределило его судьбу. Правда, и в этом случае Рейнберна ожидала не смертная казнь, а лишь заключение.

Весьма примечательным видится ещё одно обстоятельство относительно “светских” судов. Если в Южной Руси епископы, как правило, были судимы князем, то в Ростове и Суздале разбирательство совершалось в результате созыва своего рода собора, напминавшего собой вече с участием князя. Что же касается Новгорода, то здесь господствовал вечевой суд. Между тем, суд у митрополита являлся высшей инстанцией по церковным делам, что, кажется, признавалось всеми политическими центрами Руси. Однако, справедливости ради необходимо сказать, что митрополичий суд чаще всего ассоциировался с несправедливостью и предвзятостью.

Наконец, говоря об эволюции судебных прав митрополитов, необходимо признать, что если в домонгольский период русские первосвятители при решении вопросов о епископах были вынуждены постоянно учитывать политическую составляющую архиерейского служения, то с установлением монгольского господства ситуация радикально изменилась. Наказание, наложенное митрополитом Кириллом на ростовского епископа Игнатия, и попытка суда над архиепископом Далматом продемонстрировали рост политического влияния русского первосвятителя и его судебной власти, что, скорее всего, объяснялось изменением статуса первосвятителя в условиях его поддержки со стороны Орды.

*Інститут української археографії та джерелознавства
імені М. С. Грушевського НАН України*